

УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Шайкин Александр Александрович,
доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы XI–XIX веков,
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»,
ул. Комсомольская, д. 95, 302026 г. Орел, Российская Федерация
E-mail: rector@osu.edu.ru

ДУХОВНОЕ И ТЕЛЕСНОЕ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ПОВЕСТВОВАНИЯ В «СКАЗАНИИ О БОРИСЕ И ГЛЕБЕ» И ДРУГИХ БОРИСОГЛЕБСКИХ ТЕКСТАХ

Аннотация: Проблема соотношения души и тела — одна из вечных — присутствует в самых ранних памятниках словесного искусства Древней Руси, связанных с гибелью святых князей Бориса и Глеба. Телесные и духовные характеристики в них не противостоят друг другу, как это нередко бывает в учительных текстах, а, напротив, одно как бы переходит в другое. Призма духовно-телесного кода служит основным инструментом извлечения смыслов, причём атрибуты духовного и телесного выражены явно и определённо. Святополк, сознательно идущий на погубление своей души ради «сего мира», в результате лишается того и другого; Борис и Глеб, жертвуя земной жизнью вслед Христу, обретают жизнь вечную. Активность духовно-телесных характеристик значительна в «Сказании о Борисе и Глебе», в летописи и у Нестора их удельный вес ниже.

Ключевые слова: душа, тело, ум, сердце, Бог, жизнь, смерть, сей мир, жизнь вечная.

Разделяя позицию, что автор «Сказания» и Нестор опирались на источники летописного характера, не сводимые, однако, только к текстам «Повести временных лет» и Новгородской первой младшего извода, текстологических вопросов взаимоотношения текстов мы не касаемся¹. В статье нас будет интересовать «литературная природа» элементов, обозначенных в заглавии.

Реакцию Бориса на сообщение о смерти отца летопись передаёт в немногих словах без указания на какие-либо внутренние или внешние, за исключением слёз, проявления: «...плакася по отци велми»² [11, с. 90]. В «Сказании»³ же сообщение о смерти потрясло всё существо князя Бориса. Первая реакция была

¹ Рассмотрение этих вопросов см.: [15].

² Текст Повести временных лет цит. по: [11].

³ Сказание о Борисе и Глебе цит. по: [16].

телесной: он «начать тѣльмь утьрпывати⁴». Борис не просто плакал — он «слезами разливался» и онемел — «не могый глаголати» [16, с. 330]. Утрата способности внешней (громкой) речи, компенсировалась речью внутренней, «въ сѣрдци». Хотя монолог-панегирик по умершему отцу Борис произносит в *сердце*, в тексте преобладают телесные черты: не сумел своими руками положить в гроб «чьстьное твое тѣло», не сам нёс к могиле «красоты мужьства тѣла твоего», не смог «цѣловати добролѣпныхъ твоихъ сѣдинъ» [16, с. 330]. Нестор как бы возвращается к летописной сдержанности: «Блаженны же, яко слыша отца умерша, възрѣвъ на небо, помолися...». В молитве Борис просит Господа упокоить его отца со святыми патриархами Авраамом, Исааком и Яковом⁵ [23, с. 366–368].

В конце «сердечного» монолога в «Сказании» Борис углубляется в сферы, порождающие «страстные» мысли: «Сѣрдце ми горить, душа ми съмысль смущаеть...»⁶ [16, с. 330]. «Нетелесные» инстанции — сердце, душа, ум — соединяются в этой формуле в некое диалектическое единство. Формула возникает не как формальный риторизм — она вызвана опасениями за свою дальнейшую судьбу. Борис — один из младших сыновей Владимира — привык, что над ним есть некто старший, к совету и суду которого он может обратиться. Теперь, когда отца не стало, он готов признать над собой Святополка «въ отьца мѣсто», однако Борис уже предчувствует гибельное: старший брат «о биении моемъ помышляетъ». Потому и разгорелось *сердце* его, потому *душа ум смущает*⁷. Ни у Нестора, ни тем более в летописи аналога напряжённым рефлексиям Бориса нет.

Ум подсказывает долженствования: иди к брату, признай его старшим, препоручи себя его воле: «Ты ми буди отьць — ты ми брать и старѣи. Чьто ми велиши, господи мой?» Но сердце предчувствует неизбежность трагедии: «...глаголаше въ сѣрдци своемъ: “То понѣ узрю ли си лице братьца моего мньшааго Глѣба, яко же Иосифъ Вениамина?”» Библейский Иосиф всё же встретился с братом, Борис же не надеется на встречу. Летопись, в «фактическом» отношении совпадающая с текстом «Сказания»⁸, не содержит никаких признаков рефлексии Бориса в этой ситуации. Нестор в «Чтении» достаточно подробно развивает тему Иосифа и Вениамина, ана-

⁴ Глагол «утьрпывати» имел семантику *слабеть, цепенеть, померкнуть*. См.: [19, стб. 1323; 4, с. 1116].

⁵ Текст Чтения о Борисе и Глебе Нестора цит. по: [23].

⁶ Ср. в Поучении Мономаха: «Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя?» [11, с. 153]. По ритмике ближе к «Слову полку Игореве»: «Что ми шумить, что ми звонить...» [18, с. 258].

⁷ Поведение людей не всегда в ладу с сердцем: Повесть временных лет рассказывает, что Святополк, занявший киевский стол по смерти Владимира, тотчас начал подкупать киевлян раздачей подарков из княжеской казны, киевляне подарки брали, но «не бѣ сердце ихъ с нимъ, яко братья ихъ бѣша с Борисомъ» [11, с. 90].

⁸ С. М. Михеев считает, что в фактическом отношении житийные тексты о Борисе и Глебе целиком зависимы от летописи. См.: [9, с. 23]. Однако ряд «фактов» не только в «Чтении» Нестора, но и в «Сказании» отличается от летописных. Слово «факты» берём в кавычки, ибо достоверность их неизвестна.

логия с библейскими братьями служит у него для объяснения злодейских замыслов Святополка в отношении своих младших братьев⁹.

Сердце и ум в «Сказании», хотя и предстали диалектическим единством, каждое имеет свой «дискурс». «Въ сьрдьци» герой *«полагает»*: «Воля твоя да будеть, Господи мой»; «въ умѣ» же он *«помышляет»*: «Аще поиду въ домъ отца своего, то языци мнози превратятъ сьрдьце мое, яко прогнати брата моего...». Ум «обдумывает» то, что может произойти с сердцем, но в действительности эти двое в цепи рефлектирующих сентенций неразлучны: нельзя прогнать брата, как это делал отец до святого крещения, «славы ради и княжения мира сего», ибо сердцу Бориса уже открыто, что сей мир «мимоходит и хуже паучины»¹⁰.

Бориса-христианина беспокоит, куда попадѣт он, если будет отягощен виной изгнания брата, «по ошьстви <...> отсюду» [16, с. 330]. Борис вновь обращает взор на любимого отца и его братьев и вынужден усомниться в их деяниях: что приобрели они, преследуя «славу мира сего»? Где теперь «и багряница и брячины, сребро и золото, вина и медове, брашна чьстная, и быстрии кони, и домове краснии и велиции, и имѣния многа, и дани, и чьсти бещисльны, и гьрдѣния, яже о болярѣхъ своихъ»? Всё это теперь «ищезоша, и нѣсть помощи ни оть когоже сихъ — ни оть имѣния, ни оть множества рабѣ, ни оть славы мира сего». Возникает и цитата из Екклесиаста: «Суета и суетие, суетию буди» (Ек. 1: 2) [16, с. 332].

Такого рода рефлексивные размышления — видимо, сфера ума, способного расчленить действительность и подвергнуть её суду, но только сердце, уповая на Бога, способно отвергнуть прежние ценности¹¹. Впрочем, возможен и синтез рассудка и сердца: «Помышляшеть же въ сьрдьци своемь» [16, с. 332], — так начинаются размышления Бориса о своей посмертной судьбе, в ходе которых мотивы «души» и «сердца» многократно варьируются: сердце святого утешается тем, что, по слову Христа, «иже погубити душу свою мене ради и моихъ словесъ, обрящети ю въ животѣ вѣчньмь съхранити ю» [16, с. 332; ср. Мф. 10: 39]. Этот парадокс Христа является одним из трудных для толкований¹²; контекст «Сказания» явно предполагает предпочтительность жертвования земной жизнью ради Христа и его учения для обретения жизни вечной. Подобных рефлексий Бориса в летописном тексте и у Нестора нет.

⁹ Связи борисоглебовских текстов с сюжетом об Иосифе и Вениамине прослежены в статье: [22, с. 146–155]; русский вариант статьи см.: [21, с. 223–228].

¹⁰ У Нестора в молитве Бориса находим сдержанный аналог такого отношения к мирскому: «...да не вознесется мысль моя суетою мира сего» [23, с. 362].

¹¹ Современный исследователь в связи с этими размышлениями Бориса отмечает: «Мир распадается в ценностном плане на “мир сей”, живущий по языческим законам — плоти и гордыни, и “мир иной”, в который не возьмешь “славу мира сего”» [3, с. 238].

¹² Если душа здесь не является синонимом жизни, причём жизни телесной, то перед нами один из евангельских парадоксов: погубление души ради Христа является залогом сохранения души в жизни вечной. Варианты богословских толкований сентенции см., например: [26].

Телесные и духовные характеристики в тексте «Сказания» не противостоят друг другу, как это бывает в учительных текстах, например: «...елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣть зиждеши»¹³ [7, л. 49, 12; 13, л. 49 об.; 1, с. 253–254]. Напротив, одно как бы переходит в другое. Вот, Борис, мучимый приведёнными выше сомнениями, идёт куда-то без точной цели, может быть, не идёт, а ходит взад-вперёд. Автору надо передать его терзания, предчувствие гибели: «...помышляше о красотѣ и о добротѣ телесе своего, и слъзами разливаашеся вьсь». Конечно, это меньше всего нарциссическое любование, но князь молод, полон сил, ему жаль расставаться со своей молодостью; слёзы здесь — материальное проявление духовной скорби. Слёзы благодетельны для человека, в «Изборнике» 1076 г. есть строчки, сказанные словно о Борисе: «...въздыхаи же чясто и тяжко отъ вьсего сердца, слъзы бо суть даръ Божии» [7, л. 36 об.; 4, с. 228]¹⁴. Плачет не только Борис, но и предполагаемые зрители¹⁵ не могут удержаться от слёз: «И вси зряще его тако, плакаашеся о добророднѣмъ тѣлѣ и чьстьнѣмъ разумѣ въздраста его»¹⁶. Конечно, здесь не само по себе физическое тело имеется в виду — оплакивается красота юноши, его благородство, соединённые с «честным разумом». Людская скорбь оборачивает индивидуальное терзание Бориса в общенародное переживание. Есть тут ещё одно, частное оборачивание, точнее, инверсия: в древнерусских текстах обычно сердце являетсяместилищем души¹⁷, в «Сказании» же душа становитсяместилищем сердца: «И кѣждо въ души своей стонааше горестию сьрдьчною, и вси смьущаахуся о печали» [16, с. 332]. Горесть сердечная стонет в душе.

Люди вместе с Борисом провидят его скорую смерть, провидят они внутренним зрением, открывая «очи сѣрдьца своего». Хотя до сцены убийства Бориса в повествовании ещё достаточно далеко, появляется известие о «скрушение сѣрдьца его святаго», и это сообщение вызывает в тексте нечто вроде предварительного некролога: «...блаженный тѣ правдивъ и щедръ, тихъ, крътъкъ, смѣренъ, всѣхъ милуя и вься набѣдя» [16, с. 332].

По летописи Борис дожидается своей участи в шатре, «Сказание» передаёт его стремление куда-то пойти, не обозначая цели. У Нестора Борис «ходит» многократно. В тот момент, когда он впервые узнаёт, что Святополк занял стол отца, он «идяше же путем своимъ, яко овьца незлобиво»; ниже уточняется направление движения: «...идушю къ брату своему», но тут же возвращается формулировка неопределённости направления: «Блаженни же путем своимъ идяше». Получив известие, что Святополк собирается его убить, Борис, по Нестору, отправляет к брату своего

¹³ Тексты Изборника 1076 г. цит. по: [7].

¹⁴ См. ещё: «Омывание души благо молитвьная слъза» [7, л. 77 об.; 11; 12; 13, с. 310].

¹⁵ Зрителей вблизи стоянки войска на берегу реки, скорее всего, не могло быть, но, по справедливому замечанию Л. Г. Дорофеевой, изображаемое здесь «имеет обобщающий характер, включающей любого, соприкоснувшегося с этой жертвой, <...> в том числе и читателя» [3, с. 241].

¹⁶ Слово многозначное, в том числе имеет значение «облик». См.: [17, с. 115–116].

¹⁷ Ср.: сердце — «доушьный домъ» [7, л. 116 об.; 6; 11, с. 496].

посланца, а через два дня, «видѣвъ же блаженни, яко не приде отрокъ его, вѣставъ, самъ и иде къ брату своему». На этом пути Борис получает второе подтверждение о намерениях Святополка, и тогда только он останавливается, «повелѣ поставити шаторъ свои» [23, с. 368, 370].

Хотя евангельская мысль о благодати отдания жизни ради Христа на какое-то время гармонизировала состояние Бориса, и он «поиде радѣстьнѣмъ сѣрдѣцѣмъ»¹⁸ (повторения мотива движения, ходьбы), тем не менее, когда войско покинуло князя, он «въ тузѣ и печали, удручѣнѣмъ сѣрдѣцѣмъ и вѣлѣзъ въ шатѣръ свой, плакашеся сѣкрушенѣмъ сѣрдѣцѣмъ...». В этой ситуации обнажается поразительная христианская диалектика: сердце человека может быть удрученнѣмъ и сокрушеннѣмъ, а душа его — на подъѣме: «сѣкрушенѣмъ сѣрдѣцѣмъ, а душею радостною»¹⁹ [16, с. 334]. Возвышения душевного не умаляет и то, что эта радостная душа «жалостно гласъ испущаше», ибо восклицания и слѣзы приближают её к «жребию съ вѣсѣми святыими». Борис, стараниями автора «Сказания», перечисляет тех святых, чей подвиг напоминал жребий, избираемый князем для самого себя: мучеников Никиту, Вячеслава и святую Варвару²⁰. О Никите и Вячеславе в связи с Борисом говорится, «подобно же сему бывѣшу убиению» [16, с. 334], хотя Борис ещё жив. У Нестора Борис сразу просит Господа уготовать ему судьбу, какую он и получил: «Владыко мои, Исусе Христе! Сподоби ми яко единого от тѣхъ святыхъ...», т. е. начало сюжета предсказывает его завершение. При этом смертный итог — это возвышение, восхождение: «...изведи ны от тѣмы ко свѣту» [23, с. 362].

Но, как бы ни была возвышена душа человека в его мыслях о Боге и жизни вечной со святыми, тем не менее в земной юдоли, а именно в шатре, Борису стало страшно. Даже сон не приносил облегчения: «...бѣше сѣнь его въ мѣнозѣ мысли и въ печали крѣпѣцѣ и тяжѣцѣ и страшнѣ: како предатися на страсть, како пострадати и течение сѣкончати и вѣру сѣблѣости» [16, с. 334]. Такая же двойственность — духовного возвышения и смертной тоски — сохраняется и в момент непосредственного приближения убийц. Сам Борис в своём самосознании как будто укрепляется духом: продолжая молиться и петь псалмы, он обращается к Всевышнему с бодрѣмъ словом уверенности в спасении своей души: «Тѣмъ, Владыко, душа моя въ руку твою вѣину, яко закона твоего не забыхъ». Но священнику и отрокам, наблюдающим Бориса со стороны, открывается иное: «...видѣвъша господина своего дряхла и печалию облияна суца зѣло» [16, с. 336]. Аналогов такой диалектики в летописи и у Нестора нет.

¹⁸ У Нестора Борис, узнав, что Святополк занял стол отца, «възрадовася, рекыи: “Сии ми будетъ яко отецъ”» [23, с. 368].

¹⁹ Обычной формулой было бы «сокрушенное сердце и смиренный дух» (Пс. 33: 19; Пс. 50: 19; Ис. 57: 15; Дан. 3: 39 и др.): возможно, «Сказание» вносит творческий элемент в каноническую формулу.

²⁰ О славянских и — шире — европейских связях борисоглебских текстов см.: [13, с. 98–111].

Описывая нападение посланных Святополком убийц, автор «видит» «блистание оружия и мечное оцѣщение», правда, пронзают Бориса они всё же копьями: «...насунуша копии оканьнии Путьша, Тальць, Еловичь, Ляшько». Убийство — телесный акт: «...без милости прободено бысть чьстьное и многомилостивое тѣло святаго и блаженааго Христова страстотърпыца Бориса» [16, с. 336]. Телесностью отмечен и подвиг отрока Георгия: «...вѣржеся на тѣло блаженааго, рекый: “Да не остану тебе, господине мой драгый, да идеже красота тѣла твоего увядаеть, ту и азъ съподобленъ буду с тобою съконьчати животь свой!”»

«Сказание» сообщает важную подробность, имеющуюся и в Несторовом «Чтении», но отсутствующую в летописи: пронзѣнный копьями Борис всё же «искочи и-шатра въ оторопѣ»²¹ [16, с. 336]. Отсрочка смерти, видимо, потребовалась для того, чтобы дать Борису возможность произнести ещё одну, последнюю молитву Богу. При этом убийцы, уже ринувшиеся добить Бориса («Чѣто стоите зряще! Приступивѣше сконьчаимъ повелѣное намъ!»), как бы застывают, повисают в пространстве на время звучания молитвы. Может быть, Борис останавливает их невероятным в этой ситуации обращением: «Братия моя милая и любимая!» — говорит святой своим убийцам и просит их дать ему немного времени помолиться Богу. Борис славит Господа за возможность скорой смерти: «...съподобилъ мя еси убѣжати отъ прельсти жития сего льстьнааго», благодарит за то, что «сподоби мя труда святыхъ мученикъ» и тем самым «направи на правый путь мирны ногы моя тещи къ тебе бесѣблазна». И, хотя Борис просит Господа «суди межю мною и межю братьемъ моимъ», но здесь же он просит и за своих убийц: «...и не постави имъ, Господи, грѣха сего» [16, с. 336]. Окончив молитву, Борис обращается к своим убийцам, которые опять оказываются «братьями»: «Братие, приступивѣше, сконьчайте службу вашу. И буди миръ брату моему и вамъ, братие»²². Автору «Сказания» нужны люди-зрители, которые видели бы страдания и смерть Бориса и реагировали на происходящее. «Резонирующей средой» становятся души этих людей: «...къждо въ души своей стонааше» [16, с. 338]²³.

Собственно кончину Бориса логичней иных источников передаёт Нестор в «Чтении»: после молитвы Бориса «единъ от губитель, притекъ, удари въ сердце его» [23, с. 372]. «Сказание» же поступает парадоксально: дав точную и риторически оформленную информацию о завершении земного пути Бориса: «...абие усъпе, предавъ душу свою въ руцѣ Бога жива, мѣсяца июлия въ 24 днь, преже 9 каландъ агуста», затем находит Бориса ещё не умершим. Тело Бориса везут в Вышгород, и по дороге пронзѣнный копьями князь «начать въскланяти святую главу свою». Чудесным образом об этом тотчас узнаёт Святополк, отправляет двух варягов закончить дело, и они «прободоста и мечьмь

²¹ В «Чтении» очень близко: «Блаженны же воскочи, въ оторопѣ бывъ, изъ шатра...» [23, с. 372].

²² О сходстве предсмертной молитвы Бориса с молитвой чешской княгини Людмилы, когда к ней ворвались убийцы, см.: [25, с. 48].

²³ Выше этой же формулой описывалось состояние тех, кто «провидел» смерть Бориса на берегу Альты. См.: [16, с. 332].

въ сьрдьце»²⁴. Поэтому автору «Сказания» приходится второй раз сообщить о смерти Бориса: «И тако съконьчася и въсприять неувядаемый вѣнць»²⁵ [16, с. 336].

Сердце человеческое — место, где с человеком встречается не только Бог, но и его противник: «...въниде въ сьрдьце его сотона и начаты и пострѣкати вящша и горьша съдѣяти и множайша убийства», — говорится о Святополке²⁶ после того, как «желание сьрдця» его относительно Бориса осуществилось [16, с. 338]²⁷. Злодей, как и праведник, сокровенное «глаголааше бо въ души своей», правда, душа эта получает эпитет: «оканьѣй». Святополк в «Сказании» произносит внутренний монолог, в котором обнаруживается логично мыслящий человек. Если он остановится на содеянном, то возможны два варианта дальнейшего: братья либо, подстерѣвши, убьют его, либо изгонят, и тогда «къняжение мое приметь инь», «въ дворѣхъ моихъ не будетъ живушааго» и «жалость землѣ моя сьнѣсть мя». А посему, заключает Святополк, «приложю къ безаконию убо безаконие»²⁸. Высветляется глубокая правота Бориса: мирское, осознанное святым как нечто «хуже паучины» (см. выше), толкает Святополка к новым преступлениям. «Зльый сьвѣтъникъ дьяволь»²⁹ овладевает не только сердцем, но и умом Святополка: «...посла по блаженааго Гльба рекъ: “Приди въбързѣ. Отыць зоветь тя и несъдравить ти вельми”» [16, с. 338]. Злые сердца имеют и соответствующие души: «...сверѣпа звѣри душу имущю», — говорится об убийцах Глеба [16, с. 340].

Расплата за злодеяния наступает ещё в «этой» жизни Святополка. Проиграв Альтскую битву, Святополк помрачается рассудком³⁰, в нём развивается мания преследования, и он вынужден бежать всё дальше и дальше от несуществующей погони.

²⁴ Через поражение сердца, по «Сказанию», погибает и резко отрицательный персонаж — Юлиан-отступник: «...прободенъ бысть копиемъ въ сьрдьце» [16, с. 346].

²⁵ Не касаясь текстологической зависимости текстов, отметим, что и в сходном летописном рассказе есть «трудности»: так, после сцены в шатре читаем «Бориса же убивше», но тут же оказывается «еще дышущю ему» [11, с. 91]. Обычно говорят о зависимости сцен убийства Бориса от сцен убийства чешского князя Вячеслава в житии о нём; на наш взгляд, сходство ограничивается только многоступенчатостью акта: в русском житии убийство представлено обобщённо-риторически, в чешском же описание изобилует случайностями и нелепостями реального события. См.: [6, с. 172].

²⁶ Активен дьявол и в Житии Вячеслава Чешского: через «злых советников» дьявол понуждает самого Вячеслава изгнать свою мать, затем дьявол обосновывается в сердце Болеслава, замышляющего покушение на Вячеслава, «злии дьволи възваша Болеслава», подталкивая его к осуществлению замысла, наконец, в самый момент нападения на Вячеслава «къ Болеславу же причиче дьяволь ко уху и разврати сердце его». См.: [6, с. 170–172].

²⁷ «Прияете ли ми всѣмъ сьрдцемъ?» — спрашивает Святополк вышегородских бояр в летописи, посылая их на убийство [11, с. 90].

²⁸ В этом монологе автор «Сказания» применяет цитаты из 68 псалма, искусно меняя их смысл. См.: [10, с. 219].

²⁹ У Нестора мотив дьявола появляется перед убийством Бориса: «...вложи зло си врагъ въ сердце его» [23, с. 368].

³⁰ Об этом говорит и Нестор: «...в мрацѣ его видѣвше суца» [23, с. 376].

Забежав в пустыню «межу Чехы и Ляхы»³¹, «испровръже животь свой зльъ», от его могилы «до сего дъне» исходит «смрадъ зльый»³². Святополк, сознательно идущий на погубление своей души ради «сего мира», в результате лишается того и другого: «...обою животу лихованъ бысть: и съде не тъкъмо княжения, нъ и живота гонезе, и тамо не тъкъмо царствия небеснааго и еже съ ангелы жития погрѣши, нъ и муцѣ и огню предасться» [16, с. 346]. Аналогов таким далеко идущим выводам нет не только в летописи, но и у Нестора.

Переживания и помыслы Глеба, оказавшегося в сходной ситуации, в чём-то повторяют Борисовы, но в то же время это ещё одна история³³. «Печаль сьрдьчная», когда Глеб узнаёт о смерти отца и гибели брата, оборачивается «плачьмь горькыимь». При этом сиротство он ощущает из-за лишения не столько отца, сколько брата: «Уне бы съ тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе въ семь житии пожити». Жизнь без Бориса ему не мила, и он просит брата, приблизившегося к Господу, молить Всевышнего, «да быхъ азъ съподобленъ ту же страсть въсприяти и съ тобою жити, неже въ свѣтѣ семь прельстьнѣмь» [16, с. 340]. Сердечная мука так велика, что слёзы, изливаемые Глебом, «землю омачающю».

Удивительно, но автор «Сказания» говорит о радостных чувствах Глеба, наблюдающего приближающихся к нему в лодке людей Святополка: «И яко узрѣ я святой, въздратовся душею». Реализм не заботит автора «Сказания»: Глеб, знающий о гибели Бориса от рук Святополка, должен опасаться посланцев старшего брата, но у святых иные мерки поведения. Даже если справедливо предположение, что эта «странность» поведения Глеба восходит к использованию в «Сказании» двух разных источников³⁴, тем не менее изображённое должно быть осмыслено в рамках вновь возникшего целого. Автор «Сказания» играет на контрастах: люди Святополка, завидев ладью Глеба, «омрачахуся и гребяхуся к нему», но князь настолько светел, что не замечает надвигающегося мрака: «...цѣлования чаяяше отъ нихъ прияти»³⁵. Лишь когда подплывшие с обнажённым оружием начинают перескакивать в лодку Глеба, действительное осознаётся святым. Но ни в рас-

³¹ Обычно считается, что это восточнославянская идиома, означающее «невесть где» (см., например: [1, с. 129–130]), но на юге Польши действительно есть пустыня — Блендовская, которая к тому же возникла при участии дьявола: пролетая над этим местом с мешком песка, нечистый зацепился мешком за башню костёла в Блендово, и песок просыпался. См.: [27].

³² Не касаемся реалий смерти Святополка; обзор источников по этой теме, правда, без внятного вывода, см.: [15, с. 124–133]; см. также: [8, с. 176–178].

³³ У Нестора, как известно, событийная часть существенно иная: в момент смерти Владимира Глеб находится в Киеве, он узнаёт о намерении Святополка убить Бориса и, полагая, что и его самого ожидает такая же участь, бежит к «иному брату», вероятно, к Ярославу в Новгород.

³⁴ См.: [12, с. 61].

³⁵ Иное в аналогичной ситуации у Нестора: Глебу, увидевшему лодку с людьми Святополка, сразу понятно, что сейчас должно произойти: он уговаривает своих спутников отказаться от сопротивления и покинуть его; князь остаётся лишь с отроками. См.: [23, с. 372–374].

судке, ни в сердце активного протеста не возникает: «...разумѣвъ яко хотять его убити, възрѣвъ къ нимъ умиленама очима и слъзми лице си умывая, съкрушенъмъ срьдцьмъ, смѣренъмъ разумъмъ». Не протестуя, Глеб лишь «жалостно гласъ испущааше: «Не дѣйте мене, братия моя милая и драгая! Не дѣйте мене...» [16, с. 340].

Одно «противоречие» в поведении Глеба, впрочем, есть: всячески указывая на свой *юный* возраст (колос несозревший; лоза неразвившаяся³⁶), отвратить своих палачей от их деяния Глеб пытается *зрелыми* словами апостола Павла, обращёнными к разуму: «Не дѣти бывайте умы, зълбюимъ же младенъствуйте, а умы съвършени бывайте» [16, с. 340–342; ср.: 1 Кор. 14: 20]. И формулу предстоящего убийства — «Се нѣсть убийство, нѣ сырорѣзание!» — произносит, конечно, зрелый ум.

В виду неминуемой смерти Глеб произносит последние молитвы, в которых желает спасения не только отцу, матери, брату Борису, но, как и прежде Борис, своему убийце, Святополку. Правда, Глеб не удерживается от нелестного эпитета в его адрес: «...спасися и ты, брате и враже Святопѣлче». Желает юный князь спасения и исполнителям воли Святополка: «...спасетеса и вы, братие и дружино, вси спасетеса!»

И всё же Глебу тяжело расставаться с этим миром: он ещё раз обращается к отцу, надеясь на его небесную защиту, и напрямую обращается к высшим силам: «Слыши небо и вънуши земле», но ему кажется, что «никтоже не вънемлетъ ми». И потому он ещё и ещё раз взывает к Борису: «Вижь скърбь срьдца моего и язву душа моя, вижь течение слъзъ моихъ, яко рѣку!» Глеб уверен, что Борис может вступить за него, ибо он «престоя у престола Его».

Обращаясь к своим заступникам, Глеб всякий раз говорит о «съкрушении срьдца», «скърби срьдца», «язве душа моя», и лишь память об апостолах, принявших смерть во имя Господне, укрепляет его: «...се бо готова есть душа моя предъ тобою, Господи!»

Как и Борис, Глеб сам призывает палачей выполнить то, зачем они посланы. Осуществить казнь люди Святополка потребовали от повара Глебова, плывшего с ним в одной лодке. «Сказание» самый акт убийства передаёт обобщённо: «Поваръ же Глѣбовъ, именъмъ Търчинъ, изъмъ ножъ и, имъ блаженааго, и закла и яко агня непорочно и безлобиво» [16, с. 342]. Нестор в соответствующей сцене передаёт технологию процедуры: «...прежереченыи поваръ, ставъ на колѣну, закла и главу святому и прерѣза гортанъ его» [23, с. 376]. Все источники указывают точную дату события: «...мѣсяца сентября въ 5 днь, въ понеделникъ».

Автор не сомневается в небесной участи святых братьев: «...възиде въ небесныя обители къ Господу, и узрѣ желаемааго си брата и въсприяста вѣнца небесныя» [16, с. 342].

³⁶ «Аграрные» аргументы Глеба, по мнению В. М. Живова, отсылают к народным представлениям о Борисе и Глебе — покровителям земледелия: дни их памяти приходятся на 2 мая — «Борис и Глеб сеют хлеб» и на 24 июля — «Борис и Глеб — поспел хлеб». См.: [5, с. 256].

Борису мечом пронзают сердце, Глебу перерезают горло, но символически смерть всегда связана с поражением сердца. Те, кто стремятся поразить сердца праведных, сами, по слову псалма, бывают поражены: «...оружие ихъ въидеть въ сръдъца ихъ» (Пс. 36: 14–15) [16, с. 344]. Но возмездие придёт только в конечном счёте, временно же сердце злодея может торжествовать: Святополк, узнав о смерти Глеба, «възнесея сръдцьмь». Глагол указывает на гордыню — смертный грех для христианина.

Тело святого Глеба, грубо брошенное на берегу между двумя колодами (подробность, сообщаемая всеми текстами), Господь «не остави въ невѣдѣнии и небрежении», напротив, проходящие вблизи этого места видели иногда «стълпъ огньнъ, овогда свѣщѣ горущѣ и паки пѣния ангельская слышааху». Однако никто не искал «телесе святааго». Тело Бориса уже было захоронено в Вышгороде. Так или иначе тела святых братьев находились в пределах доступности, но Ярослав, вступивший в сражение со Святополком, утверждает: «О, брата моя, аще и тѣлмь ошъла еста, нъ благодатию жива еста и Госпведи предѣстоита и молитвою помозѣта ми!» Духовная реальность тем самым оказывается сильнее и даже ощутимее реальности земной, материальной. Тела, хотя и доступны, уже «отошли», а благодать, духовность, хотя и невидима, способна помочь в земном деле — в бою.

Тело Глеба, сохраняемое Господом, до поры пребывало в человеческом небрежении, но, как только Ярослав расправился со Святополком, он отправил священников в то место, где видели «свѣтъ и свѣщѣ въ пустѣ мѣстѣ», и тело Глеба было обретено³⁷. При этом, по свидетельству автора «Сказания», «тѣло святаго, то же не врежено пребысть, ни отъ коегоже плѣтоядца, ни бѣаше почърнѣло», напротив, оно оказалось «свѣтло и красъно и цѣло и благу воню имущю» [16, с. 346]. Тело Глеба перевезли в Вышгород и похоронили рядом с телом Бориса.

Воздавая хвалу святым братьям, автор выстраивает риторические антиномии: если счастье Бориса и Глеба ангелами, то как быть с тем, что «плѣтскы на земли пожила еста въ чловѣчствѣ», если же именовать их только людьми, то как быть с тем, что «множествмь чудесь» они превосходят возможности человека. Поэтому находится блестящая формула, снимающая противоречия: «...вы убо небесная чловѣка еста, земляная ангела»³⁸ [16, с. 348].

³⁷ Житие не обречено на штамп: в чешском житии убийца Болеслав раскаивается и переносит тело Вячеслава в Прагу и хоронит в церкви св. Вита справа от алтаря Двенадцати апостолов, осуждая себя словами псалма (Пс. 50: 5–6): «Азъ сѣгрѣшихъ, и грѣхъ мои и беззакония моя азъ вѣмъ» [6, с. 174].

³⁸ Характеристика святого — «земной ангел и небесный человек» — была заимствована из палестинского жития св. Саввы. См.: [20, с. 56]. Раньше на этот источник указывал А. А. Шахматов: [24, с. 24]. А. С. Дёмин указывает на наличие этой формулы в «Житии Феодосия Печерского», в «Слове похвальном Кириллу и Мефодию, в «Сказании о черноризчестем чину» Кирилла Туровского [2, с. 296–297]. По наблюдениям А. М. Ранчина, в древнерусской агиографии эта формула оторвалась от своего источника и стала самостоятельным топосом. См.: [14, с. 11–12]. Вопрос только в том, осуществился ли этот отрыв уже на рубеже XI–XII вв.

Тела блаженных, точнее «блаженѣи телеси ваю», начинают оправдывать название города, где они были погребены: «Поистинѣ Вышегородъ наречеса — вышій и превышій городъ всѣхъ...» (и это несмотря на то, что вышегородские бояре, известные по именам, стали убийцами Бориса!). Помощи святых ожидают не только в заступничестве за землю Русскую, не только в противодействии «усобичьныя брани», но и в более частных заботах: «...рана да не приступитъ къ телеси рабъ ваю» [16, с. 348].

Похвала святым в «Сказании», при всей своей возвышенности, явно уступает в выразительности мощной, риторически отточенной Похвале Борису и Глебу в тексте «Повести временных лет». Нестор, видимо, посчитал, что прославлению святых успешнее риторического восхваления послужит подробный рассказ о чудесах, свершаемых ими. Эта часть «Чтения» Нестора в фактическом отношении близка к «Сказанию о чудесах святых мучеников Христовых Романа и Давыда». Но это, однако, вне рамок нашей статьи.

Таким образом, сравнительное рассмотрение борисоглебских текстов показывает, что в «Сказании» призма духовно-телесного кода служит основным инструментом извлечения смыслов, причём атрибуты духовного и телесного выражены явно и определённо. В летописи и у Нестора их удельный вес значительно ниже. Автор «Сказания» додумывал, развивал, обнаруживал скрытые противоречия в ситуациях и мотивах, содержащихся в повествовании о Борисе и Глебе, близком к читаемому в летописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Демин А. С.* «Повесть временных лет» // Древнерусская литература: Восприятие Запада в XI–XIV вв. М.: Наследие, 1996. С. 100–156.
- 2 *Демин А. С.* Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.) М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 408 с.
- 3 *Дорофеева Л. Г.* Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века) // Герменевтика древнерусской литературы: Сб. 16–17 / ИМЛИ РАН; отв. ред. М. В. Первушин. М., 2014. С. 9–388.
- 4 *Дьяченко Гр.* Полный церковно-славянский словарь. М.: Издат. отдел Московского патриархата, 1993 (репринт издания 1900 г.). 1120 с.
- 5 *Живов В. М.* Разыскания в области истории и предьистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 755 с.
- 6 Житие Вячеслава Чешского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 2. С. 168–175.
- 7 Изборник 1076 года. 2-е изд., под ред. А. М. Молдована. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. I. 744 с.
- 8 *Карнов А. Ю.* Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 583 с.
- 9 *Михеев С. М.* Древнерусские источники об усобице 1015–1019 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2009. 24 с.
- 10 *Мюллер Л.* Значение Библии для христианства на Руси (от крещения до 1240 года) // *Мюллер Л.* Понять Россию: историко-культурные исследования / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 216–230.

- 11 Повесть временных лет. Ч. 1. Текст и перевод / подг. текста Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 405 с.
- 12 *Ранчин А. М.* К вопросу о текстологии Борисоглебского цикла // *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 55–62.
- 13 *Ранчин А. М.* Князь – страстотерпец – святой: семантический архетип житий князей Вячеслава и Бориса и Глеба и некоторые славянские и западноевропейские параллели // *Ранчин А. М.* Вертоград Златословный: Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 98–111.
- 14 *Ранчин А. М.* О топике в древнерусской словесности // *Ранчин А. М.* Древнерусская словесность и ее интерпретации: Маргиналии к теме. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2011. С. 11–36.
- 15 Святые князья-мученики Борис и Глеб / исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. 432 с.
- 16 Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI – XII века. С. 328–351.
- 17 Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 т. М.: Русский язык, 1989. Т. II. 494 с.
- 18 Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. С. 254–266.
- 19 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Тип. Императорской Академии Наукъ, 1912. Т. 3. 1684 стб.
- 20 *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси. М.: Московский рабочий, 1990. 269 с.
- 21 *Чекова И.* Ветхозаветный нарратив о Иосифе и его братьях и модель правителя у древнеславянских князей-мучеников // Ученые записки Орловского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 1 (64). С. 223–228.
- 22 *Чекова И.* Старозаветный нарратив за Йосиф и неговите братья и владетелският модел на староруските и старосръбските князе // Език и литература. София, 2013. № 1–2. С. 146–155.
- 23 Чтение о житии и о погублении блаженую страстотерпцю Бориса и Глѣба // Святые князья-мученики Борис и Глеб / исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2006. С. 357–399.
- 24 *Шахматов А. А.* Несколько слов о Нестором житии Феодосия // *Шахматов А. А.* История русского летописания. СПб.: Наука, 2003. Т. I, кн. 2. С. 19–30.
- 25 *Якобсон Р. О.* Русские отголоски древнечешских памятников о Людмиле // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М.: Наука, 1976. С. 46–50.
- 26 URL: <http://blagovest.al.lg.ua/1301/08.html> (дата обращения: 01.05.2014).
- 27 URL: <http://www.wildpolandtours.com/ru/wild-tours-ru/all-year-ru/102-2011-12-12-10-10-09> (дата обращения: 01.05.2014).

* * *

Shaikin Aleksander Aleksandrovich,

DSc in Philology,

Professor, Department of History of Russian Literature of XI–XIX centuries,

FSBI HPE Orel State University,

Komsomolskaya str., 95, 302026 Orel, Russian Federation

E-mail: rector@osu.edu.ru

**THE SPIRITUAL AND THE PHYSICAL AS NARRATIVE ELEMENTS
IN «THE LEGEND OF BORIS AND GLEB»
AND OTHER TEXTS ABOUT BORIS AND GLEB**

Abstract: The problem of soul and body correlation as one of the eternal problems is to be found in the oldest monuments of oral old Russian culture, connected with the death of Boris and Gleb, the Saint Princes. Their physical and spiritual characteristics are not opposed to each other as it can often be observed in educative texts, but rather one flows into the other. The prism of spiritual-physical code serves as the main instrument for meaning extraction, and spiritual and physical attributes are expressed clearly and distinctively. Prince Svyatopolk deliberately destroys his soul for «earthly world» and loses both as a result. Boris and Gleb sacrifice their mortal life and attain the eternal life. In «The Legend of Boris and Gleb» the activity of spiritual-physical characteristics is significant, and in the Nestor's chronicle their relative share is smaller.

Keywords: soul, body, mind, heart, God, life, death, earthly world, eternal life.

REFERENCES

- 1 Demin A. S. «Povest' vremennykh let» [«The Tale of Bygone Years»]. *Drevnerusskaia literatura: Vospriiatie Zapada v XI–XIV vv.* [Old Russian literature: Perceptions of the West in XI–XIV centuries.] Moscow, Nasledie Publ., 1996, pp. 100–156.
- 2 Demin A. S. *Poetika drevnerusskoi literatury (XI–XIII vv.)* [Poetics of Old Russian literature (XI–XIII cc.)] Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 408 p.
- 3 Dorofeeva L. G. Chelovek smirenniy v agiografii Drevnei Rusi (XI – pervaya tret' XVII veka) [Humble man in the hagiography of old Russia (XI – the first third of the XVII century)]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury: Sb. 16–17* [Hermeneutics of the Old Russian literature: Col. 16–17], IMLI RAN; ed. M. V. Pervushin. Moscow, 2014, pp. 9–388.
- 4 D'iachenko Gr. *Polnyi tserkovno-slavianskii slovar'* [Complete Church Slavic dictionary]. Moscow, Izdat. otdel Moskovskogo patriarkhata Publ., 1993 (reprint izdaniia 1900 g.). 1120 p.
- 5 Zhivov V. M. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* [Research in the field of history and pre-history of Russian culture]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2002. 755 p.
- 6 Zhitie Viacheslava Cheshskogo [Life of St. Wenceslaus]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of the Czech literature of old Russia]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999, vol. 2, pp. 168–175.

- 7 *Izbornik 1076 goda* [Izbornik 1076]. 2-e izd., ed. A. M. Moldovana. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. Vol. I. 744 p.
- 8 Karpov A. Iu. *Iaroslav Mudryi* [Yaroslav the Wise]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2001. 583 p.
- 9 Mikheev S. M. *Drevnerusskie istochniki ob usobitse 1015–1019 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Old Russian sources of 1015–1019 strife: abstract of diss..... for PhD in History]. Moscow, Institut vseobshchei istorii RAN Publ., 2009. 24 p.
- 10 Muller L. *Znachenie Biblii dlia khristianstva na Rusi (ot kreshcheniia do 1240 goda)* [Significance of Bible for Christianity in Russia (from baptism to 1240)]. Muller L. *Poniat' Rossiiu: istoriko-kul'turnye issledovaniia* [To Understand Russia: historical and cultural studies], per. s nem. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., 2000, pp. 216–230.
- 11 *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. Ch. 1. Tekst i perevod / podg. teksta D. S. Likhacheva i B. A. Romanova; ed. chl.-korr. AN SSSR V. P. Adrianovoi-Peretts. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1950. 405 p.
- 12 Ranchin A. M. *K voprosu o tekstologii Borisoglebskogo tsikla* [On the problem of textology of cycle on Boris and Gleb]. Ranchin A. M. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd Zlatoslovny: Old Russian book culture in the interpretation, analyses and comments]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 55–62.
- 13 Ranchin A. M. *Kniaz' – strastoterpets – sviatoi: semanticheskii arkhetyip zhitii kniazei Viacheslava i Borisa i Gleba i nekotorye slavianskie i zapadnoevropeiskie paralleli* [Prince - a Martyr – a Saint: semantic archetype of lives of Princes Vyacheslav, Boris and Gleb, and some Slavic and Western European parallels]. Ranchin A. M. *Vertograd Zlatoslovnyi: Drevnerusskaia knizhnost' v interpretatsiakh, razborakh i kommentariiakh* [Vertograd Zlatoslovny: Old Russian book culture in the interpretation, analyses and comments]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007, pp. 98–111.
- 14 Ranchin A. M. *O topike v drevnerusskoi slovesnosti* [On topic in old Russian literature]. Ranchin A. M. *Drevnerusskaia slovesnost' i ee interpretatsii: Marginalii k teme* [Old Russian literature and its interpretation: Marginalia to the topic]. LAP Lambert Academic Publishing. Saarbrücken, 2011, pp. 11–36.
- 15 *Sviatye kniaz'ia-mucheniki Boris i Gleb* [Saint Princes-Martyrs Boris and Gleb], issled. i podg. tekstov N. I. Miliutenko. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2006. 432 p.
- 16 *Skazanie o Borise i Glebe* [Legend of Boris and Gleb]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 1: XI–XII veka, pp. 328–351.
- 17 *Slovar' drevnerusskogo iazyka (XI–XIV vv.): v 10 t.* [Old Russian Dictionary (XI–XIV centuries.): 10 vols.] Moscow, Russkii iazyk Publ., 1989. Vol. II. 494 p.
- 18 *Slovo o polku Igoreve* [The Tale of Igor's Campaign]. *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of old Russian literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 4: XII vek, pp. 254–266.
- 19 Sreznevskii I. I. *Materialy dlia slovaria drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam* [Materials for the dictionary of old Russian language on the basis of written records]. St. Petersburg, Tip. Imperatorskoi Akademii Nauk Publ., 1912. Vol. 3. 1684 col.
- 20 Fedotov G. P. *Sviatye Drevnei Rusi* [Saints of old Russia]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1990. 269 p.

-
- 21 Chekova I. Vekhozavetnyi narrativ o Iosife i ego brat'iakh i model' pravitel'ia u drevneslavianskikh kniazei-muchenikov [The Old Testament narrative of Joseph and his brothers and a Model of a ruler in old Slavic princes-martyrs]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gos. un-ta. Seria: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Scientific notes of the Orlov State Univ. Series: Humanities and Social Sciences], 2015, no 1 (64), pp. 223–228.
  - 22 Chekova I. Starozavetniiat narativ za Iosif i negovite bratia i vladetelskiiat model na staroruskite i starosr"bskite kniaze [The Old Testament narrative of Joseph and his brothers and a Model of a ruler in old Russian and Serbian Princes]. *Ezik i literature* [Language and literature]. Sofiia, 2013, no 1–2, pp. 146–155.
  - 23 Chtenie o zhitii i o pogublenii blazhenuiu strastoterptsiu Borisa i Gl'ba [Reading of the Life and Martyrdom of Saint Martyrs Boris and Gleb]. *Sviatye kniaz'ia-mucheniki Boris i Gleb* [Saint Princes-Martyrs Boris and Gleb], issled. i podg. tekstov N. I. Miliutenko. St. Petersburg, Izd-vo Olega Abyshko Publ., 2006, pp. 357–399.
  - 24 Shakhmatov A. A. Neskol'ko slov o Nestorom zhitii Feodosiia [A few words about the Life of Theodosius Nestor]. Shakhmatov A. A. *Istoriia russkogo letopisaniia* [History of the Russian chronicles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003, vol. I, book 2, pp. 19–30.
  - 25 Iakobson R. O. Russkie otgoloski drevnecheshskikh pamiatnikov o Liudmile [Russian echoes of old Czech monuments of Ludmila]. *Kul'turnoe nasledie Drevnei Rusi: Istoki. Stanovlenie. Traditsii* [Cultural heritage of old Russia: Origins. Formation. Traditions]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 46–50.
  - 26 Available at: <http://blagovest.al.lg.ua/1301/08.html> (Accessed 01 May 2015).
  - 27 Available at: <http://www.wildpolandtours.com/ru/wild-tours-ru/all-year-ru/102-2011-12-12-10-10-09> (Accessed 01 May 2015).